

Херасков Михаил Матвеевич

**Царь, или Спасенный
Новгород**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Царь, или Спасенный Новгород / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 252 с.

ISBN 978-5-521-29108-3

ISBN 978-5-521-29108-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Двѣ картины изобразить я вознамѣрился: — въ одной представить весь ужасъ безначальственнаго правленія, пагубу междоусобій, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства; — къ сожалѣнію моему нашелъ я нѣкоторые, хотя изглаженные, но по преданіямъ еще памятные слѣды злощаснаго возмущенія въ Россійской Исторіи, когда Великій Новградъ при Бояринѣ Господомыслѣ возмутился; о чемъ и Г. Сумароковъ въ своей трагедіи, Синавъ и Труворъ, говоритъ:

*Друзья противъ друзей, родня про-
тивъ родни,
Возстали разрушать благополучны
дни!*

*Всѣ домы были жемъ слезами окро-
плены,
И всѣ поля мужей ихъ кровью оба-
гренены.*

—

Признаюсь , что разительнѣйшія черты страшнаго мятежничества перенесъ я въ мою Повѣсть изъ пагубнаго переворота бѣснующейся Франціи , позоръ нашего вѣка пишущаго , стыдъ роду человѣческому наносящаго , и мѣру возможныхъ злодѣйствъ преизполняющаго.

Но для другой картины , Государствъ и народовъ щастіе изображающей , легко мнѣ было прибравъ живѣйшія краски и подобія : — взглянулъ я на мое Отечество , и кистью моею всеобщее благоденствіе наше управляло ; благоденствіе , коимъ Россія чрезъ многіе вѣки до нынѣ наслаждается. Имѣли ли я успѣхъ въ моемъ подвигѣ , предоставляю о томъ судить любителямъ и знаокамъ живописи Исторической.

—

Ц А Р Ъ ,

ИЛИ

СПАСЕННЫЙ НОВГОРОДЪ.

Стихотворная Повѣсть.

П Ъ С Н Ы І.

Еще дерзаю строить лиру
При томной старости моей;
Еще хочу повѣдать міру
Чудесну повѣсть древнихъ дней.
Хотя мои преклонны лѣта
Орлиного въ спихахъ полета
Не дозволяютъ мнѣ имѣть; —
Но силы мнѣ въ созрѣлы тоды
Кастальски общаютъ воды
Царя въ Россійскомъ Царствѣ пѣть.

Разкрылась книга предо мною
Погасшихъ въ вѣчности вѣковъ,
Съ которой смѣлою рукою.
Снимаеиъ Истина покровъ:
Въ безсмертной книгѣ сей чищаю,
Что я на лирѣ воспѣваю,
Отъ бранныхъ что сокрыто глазъ;
Что Музамъ въ тайнѣ откровенно,
И видѣнь тѣмъ не запрещено,
Кому не загражденъ Парнасъ.

Гдѣ Волховъ орошая спѣны
Издревлѣ Новгородъ поитъ,
Тамъ вдругъ Раздоръ воздвигъ знамены,
Пылаеиъ бунтъ, мятежъ кипитъ;
Опъ пагубной гражданъ измѣны
Дрожитъ земля, препещутъ спѣны,
Тоскѣ нѣтъ мѣры, бѣдствамъ числъ;
Народъ какъ море волновался;
Неколебимъ единъ оспался
При буряхъ твердый Господыслъ.

Явись, явись мнѣ, тѣнь почтенна!
 И сладкія представь мечты;
 На небо ль нынѣ вознесена,
 Съ безплотными ликуешь ты,
 Иль въ нашей сферѣ обитаешь,
 Подъ лунною чертой лещаешь —
 Прими тѣлесный прежній видъ;
 Яви черты свои наружны:
 Пѣвцу твои бесѣды нужны; —
 И се — онъ предо мной стоитъ!

Сѣдины вижу я сребристы
 Прѣсѣбляющи чело;
 Въ очахъ сіяютъ мысли чисты,
 Какъ солнце въ полдень сквозь стекло;
 Не Царь онъ, — но въ лицѣ Боярскомъ,
 Мнѣ зрится въ облаченъ Царскомъ,
 Умомъ, величешвомъ души;
 Грядущи вѣки какъ зарями
 Онъ Сѣверъ освѣтилъ Царями. —
 О Муза! пѣшь Царя спѣши.

Великъ, опечесиво кто славить
 Черезъ побѣды и войну;
 Но пошъ славнѣ, кто возставивъ
 Въ мятежномъ царствѣ тишину!
 Какъ будто кормщикъ въ бурѣ шумной
 Даетъ совѣтъ благоразумной;
 Покоитъ какъ птенцовъ орелъ:
 Такъ Новградъ Госпомыслъ устроилъ;
 Милежно море успокоилъ —
 И Рюрика на пронъ возвелъ.

Новгородскихъ возмущеній
 Вину повѣдай, славный мужъ!
 Твоихъ пучину разсуждений,
 И буйство нечестивыхъ душъ. —
 Онъ лирнымъ гласомъ отвѣчаетъ:
 „Язвѣлъ, что Новградъ жизнь кончаетъ. —
 „Терзаемъ внутренней враждой,
 „Мой жезлъ правленія оставилъ,
 „И стаду паслыря поставилъ; —
 „Но самъ преиди въ мой вѣкъ, и пой.,

Вѣщалъ — и рѣчь прервавъ сокрылся,
 Какъ вечеромъ весенній день;
 Но кругъ воздушный освѣтился,
 Принявъ сію почтенну шѣнь. —
 Какъ лодка чрезъ пространны рѣки,
 Минувши преплываю вѣки,
 Теку ко Волховскимъ брегамъ;
 Перомъ желѣзнымъ повѣсть пишеть,
 Что Новградъ безпокойствомъ дышетъ,
 Преклонный древалъ къ мятежамъ.

Не вѣтръ обуреваетъ землю,
 Не бранныя трубы звучатъ;
 Набалиный звонъ далеко внемлю,
 Которымъ управляетъ градъ
 За пряслицей жена сѣдяща.
 Не туча движется гремеща,
 Перуны Іоаниъ вознесъ! . . .
 Но далъ — далъ пролешаю,
 Въ шуманныхъ я вѣкахъ читаю
 Достойну повѣсть нашихъ слезъ.

Не врапы ли бѣются черны
 И страшнымъ крикомъ слухъ глушатъ?
 Ахъ, нѣтъ! опечеству невѣрны
 Граждане разрушаютъ градъ;
 Матеежнаго злодѣи свойства
 Спѣшатъ смущая дни спокойства
 Междоусобну брань возжечь. —
 Затлѣлась искра, градъ пылаетъ,
 Горитъ, горитъ, не погасаетъ,
 Въ дыму кровавый блещетъ мечъ.

О живые жрецы природы,
 Которыхъ злочестивый гласъ,
 Чей перстъ пріятности свободы
 Рисуешь для смеженныхъ глазъ!
 На Новградъ приспально взгляните,
 Тамъ вопли сырыхъ женъ внимлите,
 Спраданье спарцевъ, спонъ гражданъ;
 Столпы валятся вѣры чпимой....
 Вощь слѣдствіе свободы мнимой,
 Вощь явный вольности обманъ!

Какой народъ благоразумней,
 Верховную отвергнувъ власть,
 Взалкаетъ при свободѣ шумной
 Во узы безначальства впастъ;
 Искать народнаго блаженства
 Въ мѣстахъ безумнаго равенства
 И безначальство возлюбить;
 То смыслъ небесный съ скопскимъ сбли-
 зить,
 И человечество унижить,
 Слабымъ подобнѣ шварямъ быть?

Свобода кажется красива
 Для грубыхъ чувствами сердецъ;
 Не тернъ — въ рукѣ ея олива;
 Не буря — на главѣ вѣнецъ;
 Для нихъ безвластія порфиръ
 Сложенна зрится изъ зефира;
 Но въ чистое взгляни стекло:
 Лежащу Правду узришь въ гробѣ,
 Врученный жезлъ правленія Злобѣ,
 Невинность въ узахъ — въ лаврахъ Зло.

Подъ сѣнью пишины священной
 Недавно Новградъ процвѣталъ;
 Свободы вредной, развращенной,
 Въ спѣнахъ обширныхъ не питалъ;
 Безъ трона — тамо зрѣлось царство;
 Безъ Государя — государство;
 Безъ книги — былъ законъ въ устахъ,
 Въ устахъ благихъ, у Господомысла;
 Уставовъ чистоты и смысла
 Не замѣвалъ коварства прахъ.

Какъ мудрый праотецъ семейства,
 Какъ пастырь добрый при стадахъ,
 Случайныя укрощае злодѣйства —
 Онъ кропкій жезлъ имѣлъ въ рукахъ;
 Почтенный зрѣлыми лѣтами,
 Усыпалъ пестрыми цвѣтами
 Житейскій Россіянамъ путь.
 Народъ свободный, безъ свободы,
 Существовалъ какъ тихи воды,
 Гдѣ бурный вѣтръ не смѣетъ дутьъ.

